

Н. ФАЗЕЛИ

СОВРЕМЕННАЯ ИРАНСКАЯ КУЛЬТУРА

**АКТУАЛЬНЫЙ
ФИЛОСОФСКИЙ
ДИСКУРС**

Актуальный философский дискурс

Ниматулла Фазели

Современная иранская культура

«Садра»

УДК [008+94](55)
ББК 71.1+63.3(5Ирн)

Фазели Н.

Современная иранская культура / Н. Фазели — «Садра»,
— (Актуальный философский дискурс)

ISBN 978-5-906859-98-3

Культура есть внешность и внутренность действительной жизни нации. В ней и через нее можно видеть реальный ход и перспективы развития общества и государства, ибо в культуре отражаются все зигзаги бытия, победы и поражения, радость и печаль, добродетели и пороки. Данная книга представляет собой живой пример демонстрации этих бинарностей путем анализа культурного дискурса современной жизни иранской нации. Она выходит за рамки традиционных подходов (исторических, политических и идеологических) при анализе современной иранской культуры и в целом дает определенное представление о культурной жизни современного Ирана. В этой книге сочетаются элементы объективного и конкретного анализа реальности и дискурсов современной иранской культуры, что способствует расширению национально-культурного самосознания. Для широкого круга читателей.

УДК [008+94](55)
ББК 71.1+63.3(5Ирн)

ISBN 978-5-906859-98-3

© Фазели Н.
© Садра

Содержание

Предисловие	5
Что такое культурная история?	6
Формирование и развитие культурной истории	7
История культурной истории	12
Изменение дискурсов истории и историографии в Иране	22
Дискурс истории и историографии в Иране	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ниматулла Фазели

Современная иранская культура

Предисловие

Культура есть всё то, что творил человек в процессе своего исторического становления. Ее возвышенное проявление представляет собой концентрированную форму исторического становления общества, нации и государства. Соответственно, культура есть живой экстракт человеческого опыта и переживаний нации в своих усилиях решить фундаментальные проблемы бытия. Вследствие этого ее содержание всегда носит относительный характер в критериях истины, а ее значению всегда присущ абсолютный характер в критериях ценности. Культура отражает в своем развитии трансформацию исторических парадигм теоретического и практического разума. Вместе с тем она контролирует этот процесс, будучи живительным экстрактом истины и ценности.

Историческое значение культурной идеи для государства и нации равноценно самому их существованию. Дело в том, что культурная идея сама по себе есть не что иное, как теоретическое отражение постоянных исторических попыток найти обоснования идеи вероятности и альтернатив.

Культура есть внешность и внутренность действительной жизни нации. В ней и через нее можно видеть реальный ход и перспективы развития общества и государства, ибо в ней отражаются все зигзаги бытия, победы и поражения, радость и печаль, добродетели и пороки.

Данная книга представляет собой живой пример демонстрации этих бинарностей путем анализа культурного дискурса современной жизни иранской нации. Тем самым она выходит за рамки традиционных подходов (исторических, политических и идеологических) при анализе современной иранской культуры. В целом она дает определенное представление о культурной жизни современного Ирана. В ней сочетаются элементы объективного и конкретного анализа реальности и «дискурсов» современной иранской культуры, что вследствие критического подхода способствует расширению национально-культурного самосознания.

М. М. Аль-Джаноби

Что такое культурная история?

Современное – это фрагмент прошлого, который мы относим к нашему настоящему.

Саймон Дюринг

Культурная история – дискурс, вернее, направление, получившее бурное развитие в семидесятые годы прошлого века. В Иране оно пока не привлекло должного внимания, и исследования в этой области самые незначительные. История, которую представляют иранские СМИ, равно как и иранская историография, почти всегда военно-политическая. Очень редко при освещении исторических событий применяется культурный подход. Поэтому можно смело сказать, что одна из наших первоочередных научных задач на сегодняшний день – это ознакомление с культурной историей, ее предметом, методологией и анализ ее отношений с другими, смежными дисциплинами, такими как культурные исследования и история.

Само название «культурная история» говорит о том, что эта наука использует междисциплинарный подход и старается совместить две основные гуманитарные науки, а именно историю и культуру. Таким образом, культурная история – это междисциплинарная наука, совмещающая историю и дисциплины, связанные с культурой: антропологию, социологию, культурные исследования и т. д. Среди всех направлений гуманитарных наук, коих немало, ближе всех к социологии, истории и культурным исследованиям стоит именно культурная история. Она имеет с ними общую границу.

Анализ отношений культурной истории с ее ближайшими соседями может дать ответы на многие наши вопросы. В связи с этим ниже будут приведены идеи Питера Берка¹ об отношениях между социологией и культурной историей, антропологией и историей, а также об эпистемических предпосылках появления культурной истории на разных этапах.

Если историки и представители прочих социальных наук в Иране или в других странах хотят производить авторитетные знания, то им необходимо сотрудничать и использовать опыт друг друга. История и социальная теория – это сямские близнецы, и попытки историков и теоретиков первой половины XX в. разделить их, пусть даже передовыми инструментами и имея высокую квалификацию, ни к чему не привели.

¹ Питер Берк (р.1937) – британский историк культуры, медиевист, эксперт по истории культуры нового и новейшего времени. Питер Берк является автором 25 монографий, в том числе двух в соавторстве.

Формирование и развитие культурной истории

Эпистемический и социальный контекст. Культурная история формировалась в контексте изменений дискурсов истории, социальной теории и культуры как понятия. Поэтому для ее глубокого и исторического понимания нужно знать контекст эволюции дискурсов. Здесь мы со ссылкой на одну авторитетную книгу кратко остановимся на этом вопросе. В своей книге «История и социальная теория» Питер Берк пишет, что до недавнего времени историки и социальные теоретики не были хорошими интеллектуальными соседями (коллегами). В первой главе книги под названием «Теоретики и историки» он в кратком историческом экскурсе обозревает взаимоотношения историков и социальных теоретиков. Берк пишет, что с XVIII и до начала XX в. историки и теоретики имели тесные связи. Монтескье, Фергюсон², Джон Миллер³ и Адам Смит – социальные теоретики XVIII в. – имели историческое видение, и их в большинстве случаев называли «историками – социальными теоретиками». По мнению Берка, в девятнадцатом веке историки стали постепенно дистанцироваться от социальной теории, а социальные теоретики – от истории. Он приводит имена таких историков, как Леопольд фон Ранке, и таких философов, как Вильгельм Дильтей и Бенедетто Кроче⁴, в качестве противников социологии и социологического теоретизирования. И хотя в конце XIX в. некоторые социальные теоретики, такие как Вебер и Дюркгейм, стали изучать историю, это, тем не менее, не мешало им все жестче критиковать историков. С начала XX в. и далее социальные теоретики постепенно стали предпринимать попытки сочетать изучение прошлого с существующим положением в конкретной культуре. Так, антропологи, такие как Франц Боас⁵, обратились к «полевым исследованиям», социологи стали изучать только современное общество, классические экономисты, как Йозеф Шумпетер, занялись статистикой, цифрами и чисто математическими моделями; психологи, как Жан Пиаже⁶ и Вольфганг Келер⁷, ограничились испытательными (экспериментальными) подходами. Таким образом, по выражению Берка, «прошлое было отвергнуто социальными теоретиками».

Похолодание отношений между историками и социальными теоретиками все же не привело, по мнению Берка, к их полному разрыву. И пример тому – Йохан Хейзинга⁸ – историк, исследовавший культуру XIV и XV вв. и многое перенявший от социальных антропологов в процессе своих исследований. Другой пример – географ Андре Зигфрид⁹ и социолог Морис

² Адам Фергюсон (1723–1816) – шотландский историк и философ-моралист. профессор моральной философии в Эдинбургском университете. Учитель Адама Смита. Основной труд, принесший ему известность, – “Essay on the history of civil society” (Лонд., 1767).

³ Джон Уильям Миллер (1895–1978) – американский философ, профессор колледжа. Наиболее известные работы – “The Paradox of Cause” (1935) и “Accidents Will Happen” (1937). Миллер именовал свою философию «исторический идеализм» или «натуралистический идеализм».

⁴ Бенедетто Кроче (1866 – 1952) – итальянский интеллектуал. Атеист, критик, философ, политик, историк. Представитель неогегельянства. Оказал большое влияние на эстетическую мысль первой половины XX столетия. Его самая известная работа называется «Эстетика как наука выражения и как общая лингвистика» (1902).

⁵ Франц Боас (1858–1942) – американский антрополог, лингвист и естествоиспытатель, один из основателей современной антропологии. Основной труд – «Ум первобытного человека»(1911).

⁶ Жан Вильям Фриц Пиаже (1896–1980) – швейцарский психолог и философ, известен работами по изучению психологии детей, создатель теории когнитивного развития. Основатель Женевской школы генетической психологии.

⁷ Келер Вольфганг (1887–1967) – немецко-американский психолог, один из лидеров гештальтпсихологии. Экспериментально доказал в опытах над животными («Исследование интеллекта человекообразных обезьян», 1917) роль инсайта как принципа организации поведения.

⁸ Йохан Хейзинга (1872–1945) – нидерландский историк и теоретик культуры, профессор кафедры всеобщей истории в Гронингенском и Лейденском университетах. Мировую известность получили его труды по культуре европейского Средневековья и Возрождения «Осень средневековья» (1919), «Эразм и век Реформации» (1924) и по философии культуры “*Homo ludens*” – «Человек играющий» (1938) и др.

⁹ Андре Зигфрид (1875–1959) – французский социолог, экономист и основоположник электоральной географии. Известен

Холбокс, вошедшие в 1929 г. наряду с историками в редакторский состав популярнейшего ежегодника *«История экономики и общества»*. В 1949 г. именитый британский антрополог Эдвард Эванс Притчард¹⁰ пишет свою книгу *«История Санусии в Киренаики»*. В 1939 г. Норберт Элиас издает свой знаменитый труд по исторической социологии *«О процессе цивилизации»*, который считается классикой жанра.

По мнению Берка, начиная с 1960-х гг. и далее историки и социальные теоретики вновь начали проявлять интерес к исследованиям друг друга. В шестидесятые были изданы такие труды, как *«Политические системы империй»* Самуэля Эйзенштадта¹¹ (1963), *«Первая новая нация»* Мартина Липсета¹² (1963), *«Вандея: Социологический анализ контрреволюции 1793 года»* Чарльза Тилли¹³ (1964), *«Социальные истоки диктатуры и демократии»* Баррингтона Мура¹⁴ (1966) и, конечно же, известная книга Эрика Вульфа¹⁵ *«Крестьянские войны двенадцатого века»* (1969). Эти труды обнаруживают некоторое единство взглядов социальных теоретиков и историков. Берк пишет, что за последние несколько десятилетий такие социальные антропологи, как Клиффорд Гирц¹⁶, Маршалл Салинс¹⁷, Эрнест Геллнер¹⁸ и Эрик Вульф, а также социологи Джон Холл¹⁹ и Майкл Манн²⁰ смогли придать социальным исследованиям исторический окрас. Теперь термины «историческая социология», «историческая антропология», «историческая география» и «историческая экономика» стали использоваться для выражения связи между историей и этими дисциплинами.

Питер Берк убежден: существует много факторов для интеграции истории и социальной теории. И подтверждением тому, как ему видится, является то, что быстрые и все возрастающие темпы социальных изменений заставляют социологов и антропологов проследить и изучить эти изменения на протяжении истории, что отбрасывает их порой в очень далекое про-

своими обширными и скрупулезными трудами по экологии, посвященными взаимосвязи географии и политики.

¹⁰ Эдвард Эванс Притчард (1902–1973) – британский социально-культурный антрополог, представитель структурного функционализма, основатель политической антропологии.

¹¹ Шмуэль Ной Эйзенштадт (Айзенштадт) (1923–2010) – американский социолог, специалист в области сравнительных исследований цивилизаций и общетеоретических проблем развития, революции и модернизации.

¹² Сеймур Мартин Липсет (1922–2006) – американский социолог и политолог, один из основоположников теории модернизации. Считается крупнейшим социологом США второй половины XX в. Получил известность в связи с исследованиями социальных движений, политического радикализма, теории модернизации, профсоюзной демократии и социальной мобильности.

¹³ Чарльз Тилли (1929–2008) – американский социолог, политолог и историк. Автор книг об отношении политики и общества, в частности, о социальных движениях и формировании национальных государств в условиях раннего капитализма.

¹⁴ Баррингтон Мур (1913–2005) американский социолог и социальный историк, чья наиболее известная работа *«Социальное происхождение диктатуры и демократии»* (1966) о социально-исторических условиях тоталитаризма внесла большой вклад в обновление сравнительной исторической социологии.

¹⁵ Эрик Роберт Вульф (1923–1999) – американский антрополог и историк-марксист. Его самая известная книга *«Европа и народы без истории»* (1982) с марксистских позиций объясняет процессы, вследствие которых Западная Европа в ходе Великих географических открытий обогнала в экономическом развитии другие регионы мира и подчинила их своему влиянию.

¹⁶ Клиффорд Гирц (Герц) (1926–2006) – американский антрополог и социолог, основатель интерпретативной антропологии, занимающейся изучением различных культур и влиянием концепции культуры на концепцию человека. Наиболее известная работа – *«Интерпретация культур»* (1973).

¹⁷ Маршалл Салинс (Сахлинс) (р. 1930) – американский антрополог. Стремился показать значимость культуры в формировании структуры общества, критиковал идею «человека экономического», характерную для многих экономических воззрений, и стремился показать культурную специфику экономических систем.

¹⁸ Эрнест Геллнер (1925–1995) – английский философ и социальный антрополог, профессор социальной антропологии Кембриджского университета. С начала 1960-х гг. активно занимался социальной антропологией и политологией, разработав собственную теорию национализма, получившую отражение в работе *«Нации и национализм»* (1983).

¹⁹ Джон Льюис «Ян» Холл (р. 1934) – американский физик, лауреат Нобелевской премии по физике 2005 г. «За вклад в развитие лазерного высокоточного спектроскопирования и техники прецизионного расчета светового сдвига в оптических стандартах частоты» совместно с Теодором Хеншем.

²⁰ Майкл Манн (р. 1942) – исторический макросоциолог, представитель неовебериянской школы социально-политических исследований. В 1984 г. опубликовал одну из ключевых своих работ *«Автономная власть государства: истоки, механизмы и результаты»*, где рассматривал природу деспотической и инфраструктурной власти современного государства.

шлое. По его мнению, также и историки за последние несколько десятилетий переключились с традиционной политической истории на историю социальную. То, что столетиями составляло предмет изучения истории (история *сверху*, или военно-политическая история), теперь отошло на второй план. По мнению Берка, в среде историков произошел социальный поворот, а в среде социальных теоретиков – поворот исторический.

Культура и культурная история. О том, как развивалась культурная история после 1970-х гг., Берк пишет в своей книге «*Что такое культурная история?*» (2004). Ниже со ссылкой на все шесть глав этой книги мы постараемся кратко изложить историю данной дисциплины.

В статье «*О методе в современной историографии*» Линн Хант²¹ следующим образом описывает изменения в современной историографии. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. группа молодых историков-марксистов начала распространять книги и статьи под общим названием «История снизу» [история народных низов, а не элит и верхов]. Из классических трудов здесь можно выделить работы Джорджа Рюде²² о роли народных низов или толп (crowd) в Париже [во время Великой французской революции], книгу Альбера Собуля²³ о парижских санкюлотах [радикальных республиканцах времен Великой французской революции] и, конечно же, известный труд Эдварда П. Томпсона²⁴ об английском рабочем классе. Вдохновившись этой инициативой, историки в начале 1960-х гг. переключились с традиционной историографии, фиксирующей лишь события, связанные с политическими лидерами или политическими институтами, на исследование социального наполнения повседневной жизни рабочих, женщин, этнических групп и т. п.

В 1970-е гг. культурная история обрела вторую жизнь. До этого история и историография, как уже было сказано, были посвящены главным образом войнам и политике, меньше – социальным вопросам. Культура же игнорировалась вовсе. Поэтому на начальных стадиях культурная история формировалась именно как реакция на данное обстоятельство. Традиционная историография почти никогда не видела предметом своего изучения вопросы, связанные с женщинами, детьми, мигрантами, меньшинствами, общими моделями поведения масс, например, массовым искусством, местными знаниями, и вообще вопросы, связанные с жизнедеятельностью групп, народностей или обществ, оказавшихся на периферии.

Культурная история стала частью процесса *культурного поворота* и обретения культурой значимости в гуманитарных и общественных науках, таких как политология, география, социология, экономика, психология и культурные исследования, после которого исследователи стали базироваться в своем подходе не на «теории рационального выбора поведений», применяемой раньше в таких науках, как экономика, социология и политология, а на объяснении «влияния ценностей групп на поведение», и начали уделять пристальное внимание интересам конкретных групп в конкретных странах и периодах. Тут можно вспомнить слова Сэмюэла

²¹ Линн Хант (р. 1945) – американский историк, профессор истории Европы нового времени в университете Калифорнии в Лос-Анджелесе, одна из основателей направления «история культуры». Специалист по истории Французской революции. Также хорошо известна изучением европейской культурной истории, в частности гендерными исследованиями. Ее работа «Изобретая права человека» (2007) считается наиболее полным анализом истории прав человека.

²² Джордж Рюде (1910–1993) – британский историк-марксист, специализировавшийся на «истории низов» – значении толпы в истории и, в частности, во Французской революции. Среди наиболее известных работ – «Толпа во Французской революции» (1950), «Толпа в истории» (1964), «Революционная Европа: 1783–1815» (2000), «Идеология и народный протест» (1980) и др.

²³ Альбер Собуль (1914–1982) – французский историк-марксист, специализирующийся на истории Великой французской революции и Первой империи. Автор многочисленных работ, наиболее известной из которых является трехтомная «Цивилизация Французской революции». В последние годы жизни подвергался критике со стороны историков-ревизионистов во главе с Франсуа Фюре.

²⁴ Эдвард Палмер Томпсон (1924–1993) – английский историк, публицист, литератор, социалист-теоретик и участник пацифистских кампаний. Внес заметный вклад в развитие британского и в целом западного марксизма, а также в формирование британских «новых левых». Автор множества научных книг, включая «Уильям Моррис» (1955), «Становление английского рабочего класса» (1963), «Уильям Блейк» (1993), а также научно-фантастической сатиры – романа «Документы Сикаоса» (The Sykaos Papers).

Хантингтона о том, что в сегодняшнем мире «культурные границы» куда важнее границ экономических и политических.

О концепции культуры в социальных теориях довольно интересно рассуждает Роланд Робертсон²⁵ в первой главе своей книги *«Глобализация и социальные теории»*. По его мнению, в начале XX в. культура играла роль инфраструктуры и обладала объяснительной силой. Например, *«Протестантская этика и дух капитализма»* Вебера – одна из тех работ, что признают за культурой и религиозными ценностями объяснительную и определяющую силу. Но такой взгляд на культуру господствовал до 1920-го г. После, до 1960 г., когда в обществе царили марксистские взгляды, социальная мысль уже не придавала этому аспекту культуры никакого значения. Однако начиная с 1960-х гг. культура вновь приковывает к себе внимание ученых. В этот период и зарождается культурная история.

Культура обрела важность не только в области истории, где была учреждена новая дисциплина «культурная история», но также и в других науках. Например, в экономике новый взгляд на культуру заставил усомниться в универсальности принципа рационального потребителя и теории рационального выбора. В итоге пристальное внимание стало уделяться иррациональным и даже символическим выборам, которые потребители делали в состоянии эмоционального возбуждения. В политологии в силу признания этнических и культурных различий у электората были поставлены под вопрос принцип рационального голосования и теория рациональных выборов. В психологии усомнились в решающей роли инстинктов и заострили внимание на культурном опыте. В антропологии и социологии на радость исследователям появились такие дисциплины, как «культурная антропология», «социальная антропология» и «культурные исследования» (самое важное явление в области культуры XX столетия). Все это говорило о своего рода культурном повороте и обретении культурой определяющей роли.

Новые общественные движения и возрождение местных движений в защиту окружающей среды, прав женщин, гражданских прав (в США), осуждающих расизм и появление религиозных движений лишней раз продемонстрировали в середине XX в., насколько важна культура. Во всех этих движениях культура играла центральную роль. Если мы проследим историю обретения культурой центральной роли, то увидим, что до XIX в. мы были свидетелями военной власти, но после Первой мировой войны в мире установилась уже власть экономическая. Затем, начиная с 1960-х гг. и далее, набирает силу политическая власть, пока, согласно Бурдьё²⁶, не наступает черед символической власти, заключенной в культуре. Теперь наиболее могущественными стали считаться те страны, чьи элементы истории признаны частью всемирного культурного наследия; чьи ученые награждаются престижными международными премиями; чье творчество и искусство обретает мировую славу; чей язык становится международным; чьи философы дают направление ходу человеческой мысли; чьи открытия и инновации меняют мир; чьи спортсмены завоевывают сердца и т. д. В этом случае символы производят богатство и приравниваются к интеллектуальной собственности.

Мы убеждаемся в том, что концепции культуры – это хозяйева истории. Истории, которая начинается с тайлоровской концепции культуры, проходит различные стадии и в конце концов доходит до постмодернистской трактовки культуры. В постмодернистском понимании культура – не что иное, как система смысла, символов, содержащих смысл, или символических смыслов. Отсюда культурная история превращается в историю распознавания этих смыс-

²⁵ Роланд Робертсон (р. 1938) – британский социолог и теоретик глобализации, профессор Абердинского университета (Шотландия). Основная работа – “Globalization: Social Theory and Global Culture” (1992). Был первым социологом, использовавшим термин «глобализация» в социологической статье.

²⁶ Пьер Бурдьё (1930–2002) – французский социолог, этнолог, философ и политический публицист, один из наиболее влиятельных социологов XX в. Автор 35 книг и 400 статей. Исследования Бурдьё сосредоточены вокруг ключевых концептов: габитус как принцип действия агентов, поле как пространство фундаментальной социальной борьбы, капитал как ресурс в социальном поле, символическое насилие как главный механизм утверждения господства.

лов. В результате мы приходим к главному выводу: ошибочно полагать, что культура может иметь лишь яркое наглядное проявление. Это заблуждение. Только часть культуры находит свое воплощение в кинематографе, искусстве и театре. Другая часть проявляет себя в виде образа жизни.

Следующий момент в обретении культурой важности – то, что это понятие стало циркулировать в масс-медиа и в общественном дискурсе. Сегодня культура упоминается не только в университетской среде и интеллектуальных кругах, но и в дискурсе масс. Слово «культура» прочно вошло в обиход. Теперь мы то и дело слышим такие словосочетания, как «культура вождения», «культура бедности», «культура семьи» и т. п.

Однако столь частое и обширное употребление привело к тому, что стало очень трудно дать определение наукам и дисциплинам, имеющим отношение к культуре, и фиксировать их границы. И культурная история здесь не исключение. Количество вопросов, относимых за последние несколько десятилетий к сфере культурной истории (начиная от культурной истории каждой части нашего тела и заканчивая культурной историей нашего каждодневного жизненного опыта), не позволяет точно определить область исследования культурной истории как научной дисциплины на основе исследуемых ею объектов. Нельзя также забывать и о том, что дискурс культурной истории, как и любой другой эпистемический дискурс, породил свои собственные объекты исследования.

Обретение дискурсом культурной истории актуальности и его широкое распространение на международном уровне прежде всего говорит о том, что актуальность обрели культура и культурный поворот. Даже в России культурные исследования стали обязательным курсом в системе гуманитарных наук. В России, стране исторического материализма, «культурная трактовка истории» приходит на смену «экономической трактовке». Теперь культурная история и культурный поворот считаются частью общей культурной истории прошлого поколения. Вот в таком социальном, политическом и экономическом контексте культура обретает актуальность, и пропорционально этим преобразованиям в общественных структурах в эпистемологическом и методологическом дискурсе происходит культурный поворот. В результате развитие получают завязанные на культуру междисциплинарные науки, такие как «культурная география», «культурная психология» и «культурная история». Однако давайте вернемся к нашему основному вопросу, а именно: «что такое культурная история?».

Когда хотят дать определение какой-либо науке, обычно изучают ее предмет, методологию и историю. До этого момента мы хотя и вкратце, но все же рассказали об условиях возникновения и преобразования культурной истории. Не забыли также об области ее исследования и методологии. Далее мы постараемся предельно ясно и четко изложить вопросы, касающиеся области исследования, методологических и эпистемологических особенностей, а также краткой истории культурной истории.

История культурной истории

Культурная история – не новое открытие или изобретение. Более двух столетий назад ею уже занимались в Германии под этим же названием. До этого времени истории философии, живописи, литературы, химии, языка и так далее существовали по отдельности. Но начиная с 1780-х гг. мы уже имеем дело с историей человеческой культуры, или культуры различных регионов или наций. В XIX в. в Британии и Германии все чаще стало использоваться понятие «культура» (французы предпочитали говорить о цивилизации). Так, в 1869 г. поэт Мэтью Арнольд²⁷ опубликовал свою работу «*Культура и анархия*», в 1871 г. антрополог Эдвард Тайлор²⁸ – книгу «*Первобытная культура*», а в Германии 1880-х гг. острый конфликт между государством и церковью обрел известность под названием «борьба за культуру» (Kulturkampf) или, как мы это называем сегодня, «культурные войны».

Культурную историю можно разделить на четыре этапа: классический этап; этап социальной истории искусства, начавшийся в 1930-е гг.; возникновение истории народной культуры в 1960-е гг.; новая культурная история.

Период примерно с 1800 по 1950 г. – это эпоха, которую можно назвать классикой культурной истории. Заимствуя выражение у английского критика Ф. Р. Ливиса²⁹, озаглавившего так свою книгу о романе, можно говорить о «великой традиции». Эта традиция включает классиков, таких как швейцарский историк Якоб Буркхардт³⁰ с его работой «*Культура Италии в эпоху Возрождения*», впервые опубликованной в 1860 г., и голландский историк Йохан Хейзинга с его «*Осенью Средневековья*» (1919). Обе книги сохраняют ценность для читателей, и в обеих имплицитно присутствует представление об историке, «рисующем портрет эпохи», – мы цитируем подзаголовок работы третьего классика, Дж. М. Янга, «*Викторианская Англия*» (1936). Этот период можно назвать классическим еще и в том смысле, что в это время в центре внимания культурных историков были история классики, «канон» шедевров искусства, литературы, философии, науки и т. д. И Буркхардт, и Хейзинга были художниками-любителями и поклонниками искусства и взялись за написание своих знаменитых книг, чтобы понять некоторые произведения, помещая их в исторический контекст. Различие между этими мыслителями и специалистами – историками искусства или литературы заключалось в том, что культурные историки интересовались именно связью между различными видами искусства. Они сосредотачивались на целом, а не на частях, анализируя связь всех этих отдельных искусств и того, что вслед за Гегелем и другими философами часто именовали «духом времени». Поэтому некоторые немецкие историки в это время говорили о себе как о занимающихся *Geistesgeschichte* – это понятие часто переводилось как «история духа» или «история мышления», но можно истолковать его и как «культурную историю». Занимавшиеся ею «прочитывали» отдельные картины, стихотворения и т. п. как свидетельство о данной культуре и периоде, породившем

²⁷ Мэтью Арнолд (1822–1888) – английский поэт и культуролог, один из наиболее авторитетных литературоведов и эссеистов викторианского периода. Стоял у истоков движения за обновление англиканской церкви. В своей центральной книге, сборнике очерков «Культура и анархия» (1875), Арнолд с пессимизмом взирал на хаотичную эпоху промышленной революции. Для его собственного поэтического творчества характерны единство места и действия, бесстрастность, обобщенность и архитектурность – качества, которые он противопоставляет губительной неразберихе повседневности («Дуврский берег» / «On Dover Beach», 1867).

²⁸ Эдвард Бернетт Тайлор (Тэйлор) (1832–1917) – английский этнограф, культуролог, исследователь религиозных обрядов и церемоний. Один из основателей этнографии и антропологии. Среди основных работ – «Первобытная культура» (1871).

²⁹ Фрэнк Реймонд (Ф.Р.) Ливис (1895–1978) – основатель английской социокультурной критики. Основные произведения: «New Bearings in English Poetry» (1932), «Revaluation» (1936), «The Great Tradition» (1948), «The Living Principle: 'English' as a Discipline of Thought» (1975), «Thought, Words and Creativity: Art and Thought in Lawrence» (1976).

³⁰ Якоб Буркхардт (1818–1897) – швейцарский историк культуры, профессор, стоявший у истоков культурологии как самостоятельной дисциплины и, по некоторому мнению, «открывший Возрождение» для исторической науки. Классический труд Буркхардта «Культура Италии в эпоху Возрождения» (1860) принес ему европейскую славу.

данное произведение. Тем самым они расширяли идею герменевтики, или искусства интерпретации. Термин «герменевтика» изначально относился к интерпретациям текстов, особенно Библии, но в XIX в. его значение распространилось и на интерпретацию артефактов и действий. Неслучайно, конечно, величайшие культурные историки этого периода Якоб Буркхардт и Йохан Хейзинга, хотя и были профессиональными академическими учеными, писали свои книги прежде всего для широкой публики.

В своей самой знаменитой книге Буркхардт описывал то, что называл индивидуализмом, состязательностью, самосознанием и модерностью в искусстве, литературе, философии и даже политике Италии эпохи Возрождения. В его посмертно опубликованной *«Истории культуры Греции»* подчеркивается значимость состязания в древнегреческой жизни, войне, политике и музыке, так же как и в гонках на колесницах или в Олимпийских играх.

У Хейзинги тоже был широкий размах: от Древней Индии до Запада и от Франции XII века до датской культуры XVII столетия и современных ему Соединенных Штатов Америки. Он рассматривал многообразие жизненных идеалов, представлений о золотом веке, например культ рыцарства или классический идеал, с такой силой взывавший к европейским элитам в промежутке между Возрождением и Великой французской революцией. Хейзинга провозгласил, что главная цель культурного историка в том, чтобы запечатлеть культурные образцы, иными словами, описать характерные для той или иной эпохи мысли и чувства и их выражения, или воплощения, в произведениях литературы и искусства. Историк, считал он, выявляет эти культурные образцы, исследуя «темы», «символы», «чувства» и «формы».

Социолог Макс Вебер опубликовал свою знаменитую работу *«Протестантская этика и дух капитализма»*, где подверг анализу культурные корни того, что он называл «экономической системой, господствующей в Западной Европе и Америке». С равным успехом эту работу Вебера можно было бы назвать «Капитализм и культура протестантизма» или «Протестантизм и культура капитализма». Основной замысел книги состоял в том, чтобы предложить культуральное объяснение экономических изменений с акцентом на роли протестантского этоса, или системы ценностей, особенно идеи «призвания», в процессе накопления капитала и широкомасштабного роста торговли и промышленности. В другом своем исследовании Вебер доказывал, что этос конфуцианства, как и католицизма, враждебен капитализму.

В следующем поколении другой немецкий социолог, Норберт Элиас³¹, в некотором отношении последователь Вебера, опубликовал исследование *«Процесс цивилизации»* (1939), представляющее собой, по сути, культуральную историю. Оно считается очень ценным справочником разной полезной информации, такой как, например, история пользования вилкой, салфеткой, принятия душа и т. д. В области исторической социологии ее значение трудно переоценить. Несмотря на то, что книгу серьезно критиковали, в частности, за то, что она не освещала эпоху Средневековья и описывала лишь историю элит, тем не менее надо признать, что этот труд Элиаса оказал сильное влияние на историков, пришедших после него. Он опирался на работу Фрейда *«Недовольство культурой»* (1930), в которой утверждалось, что культура требует от индивида жертв в сфере пола и в сфере агрессии. Основываясь на исследовании Хейзингой «страстной и грубой души эпохи», Элиас сосредоточил свое внимание на истории столового этикета, чтобы показать постепенное нарастание при дворах Западной Европы самоконтроля, или контроля над эмоциями, связывая то, что он назвал «социальным давлением в сторону самоконтроля», между XV и XVIII вв., с централизацией управления и укрощением, или окультуриванием, воинственной знати. Элиас утверждал, что пишет о «цивилизации», а не о культуре, о «поверхности человеческого существования», а не о его глубинах, об истории

³¹ Норберт Элиас (1897–1990) – немецкий социолог еврейского происхождения, позднее сменивший гражданство на британское. Являлся одним из ведущих представителей исторической социологии. Особенно известен теорией становления цивилизации.

вилки и носового платка, а не человеческого духа. Как бы то ни было, он внес огромный вклад в изучение того, что сегодня вполне можно было бы назвать культурой самоконтроля.

Ценными являются и работы именитого немецкого философа Юргена Хабермаса³² о возникновении буржуазии и общественности во Франции и Англии. В первую очередь Хабермас интересен тем, что открыл человечеству исторические перспективы, отличные от того, что до сих пор предлагали историки.

В Америке и Британии культурная история сформировалась главным образом с учетом отношений между культурой и обществом. Чарльз-Остин Бирд³³ был первым, кто в своих работах *«Экономическая интерпретация Конституции Соединенных Штатов»* (1913) и *«Восход американской цивилизации»* (1927, совместно с супругой Мари Риттер Бирд) предложил социальную и экономическую интерпретацию культурных изменений в США. В финальной главе «Эпоха машин», например, рассматривались роль автомобиля в распространении урбанистических ценностей и «стереотипизированных ментальных возбуждений», покровительство искусству со стороны миллионеров, практическая и популярная доминанта американской науки и расцвет джаза.

Карл Маннгейм³⁴, Арнольд Хаузер³⁵ и Фредерик Антал³⁶ сыграли важную роль в понимании отношений между культурой и обществом в Западной Европе. Они вступили в «Воскресный кружок», возглавляемый Дьёрдем Лукачом. Маннгейма особенно интересовала социология знания, к которой он применял исторический подход, например в исследовании ментальности германских консерваторов. Антал рассматривал культуру как «отражение» общества. Он видел во флорентийском искусстве эпохи Возрождения отражение буржуазного мировоззрения. Марксист Арнольд Хаузер написал свою известную работу *«Социальная история искусства и литературы»* (1951), тесно связавшую культуру с экономикой и социальным конфликтом и изменениями, в которой рассматривались, например, «классовая борьба в Италии в конце Средних веков», «романтизм как течение среднего класса» и связь между «эпохой кинематографа» и «кризисом капитализма».

Идея «народной культуры» родилась там же и тогда же, что и «культурная история»: в Германии конца XVIII в. Именно в это время интеллектуалы – выходцы из среднего класса открыли для себя народные песни, сказки, танцы, ритуалы, искусство и ремесла. Однако история народной культуры осталась на откуп антикварам, фольклористам и антропологам. И только в 1960-е гг. группа академических историков обратилась к исследованию народной культуры. Одним из ранних примеров была опубликованная в 1959 г. работа «Джазовая сцена» (“The Jazz Scene”), написанная Фрэнсисом Ньютоном (один из псевдонимов Эрика Хобсбаума³⁷). Как и можно было ожидать от выдающегося историка, стоящего на экономико-соци-

³² Юрген Хабермас (р. 1929) – немецкий философ и социолог. Считается представителем франкфуртской школы. Учение Хабермаса служит своего рода синтезом концепции рациональности социального действия и концепции интеракции. Систематическое развитие идеи Хабермаса находят в работе «Теория коммуникативного действия», где на основе понятия социального действия разрабатывается оригинальная концепция общества.

³³ Чарльз-Остин Бирд (1874–1948) – американский историк, глава так называемой экономической школы, которая подчеркивала значение экономических факторов в истории США.

³⁴ Карл Маннгейм (1893–1947) – немецкий и британский философ и социолог, один из создателей социологии знания. Согласно Маннгейму, задача социологии знания заключается в анализе социально-исторической обусловленности мышления – как теоретического, так и обыденного – и разработке учения о «внеэпистемических условиях знания». Основной труд «Идеология и утопия» (1929).

³⁵ Арнольд Хаузер (1892–1978) – немецкий и венгерский философ, историк искусства и социолог, почетный член Венгерской академии наук. Хаузер был одним из первых ученых, подвергших научному изучению и анализу так называемую «массовую культуру», в первую очередь в киноискусстве, а также такие ее направления, как поп-арт и бит. Среди основных его работ можно назвать «Социальная история искусства и литературы» (1951).

³⁶ Фредерик Антал (1887–1954) – венгерский историк искусства еврейского происхождения, известный своим вкладом в социальную историю искусства.

³⁷ Эрик Джон Эрнест Хобсбаум (1917–2012) – британский историк-марксист, наиболее известный работами о «долгом

альных позициях, автор исследовал не только музыку, но и слушающую ее публику, не говоря уже о джазе как бизнесе и форме социально-политического протеста.

В целом можно констатировать, что культурная история испытала на себе влияние различных национальных и культурных традиций. В ней можно различить в качестве основополагающих традиций немецкую культурную историю, английскую (куда входит Британия и Америка) и французскую. Германская традиция культурной истории начинается с XVIII в. В английской традиции можно различить две традиции – американскую и британскую.

В Северной Америке культурные историки чаще считают себя последователями германской традиции, нежели британской. Питер Гэй³⁸ и Карл Шорске³⁹ – потомки германоговорящих иммигрантов – были видными историками этой группы. Особенность французской традиции, среди прочего, – стремление обходить понятие «культура» (во всяком случае, до недавнего времени), фокусируя внимание на цивилизации, коллективных ментальностях и социальном воображении. Историки, ассоциированные с журналом «Анналы», на протяжении трех или четырех поколений внесли замечательный вклад в эту область: в историю ментальностей, чувствований или «коллективных представлений» – в эпоху Марка Блока⁴⁰ и Люсьена Февра⁴¹; в историю материальной культуры – в эпоху Фернана Броделя⁴². Неиссякающая на протяжении нескольких поколений креативность школы историков столь замечательна, что нуждается в историческом объяснении. Мое собственное предположение относительно того, чем она так ценна, состоит в том, что ее лидеры были достаточно харизматичными, чтобы привлечь одаренных последователей.

Эпистемология и методология культурной истории. В качестве общей почвы для всех культурных историков можно указать интерес к символическому и к интерпретации. Символы – осознаваемые или нет – можно найти повсюду: от искусства до повседневной жизни. Но подход к прошлому с точки зрения символизма – всего лишь один подход среди других. С точки зрения методов исследования, несмотря на всё их разнообразие и неутихающие споры вокруг, что также говорит о том, что это сложный путь различения культурной истории от других дисциплин, культурная история все же ближе к «качественному методу» и «субъективности». Культурные историки считают себя искателями смыслов и культурных репрезен-

XIX веке» («Эпоха революций: Европа 1789–1848», «Эпоха капитала: Европа 1848–1875» и «Век империй: Европа 1875–1914») и «коротком XX веке» («Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век 1914–1991»). В 1960-е гг. Хобсбаум приобрел известность как историк рабочего движения. Он активно участвовал в диспутах с марксистами, критикуя их ортодоксальные взгляды на эволюцию капитализма. Британским любителям джаза Хобсбаум также известен как тонкий критик и знаток современной музыки.

³⁸ Питер Гей (1923–2015) – американский историк европейской культуры и общественной мысли. Основные труды посвящены философии Просвещения, культуре Веймарской республики, идеям модернизма. Известность получили его монографии о Вольтере, Моцарте. Фрейте.

³⁹ Карл Эмиль Шорске (1915–2015), – американский историк культуры и профессор Принстонского университета. В 1981 г. получил Пулицеровскую премию за свою работу «Вена на рубеже веков: политика и культура».

⁴⁰ Марк Блок (1886–1944) – французский историк еврейского происхождения, автор трудов по западноевропейскому феодализму, аграрным отношениям во Франции, общим проблемам методологии истории. Совместно с Люсьеном Февром основал журнал «Анналы» (1929) и одноименную школу. Был сторонником единой терминологии исторического исследования, с точными, отражающими исторические реалии понятиями: любой исторический термин должен быть сопоставлен со «своим окружением», помещен в свою эпоху и огражден от неверного истолкования.

⁴¹ Люсьен Февр (1878–1956) – французский историк. Совместно с Марком Блоком основал журнал «Анналы» (1929) и одноименную школу. Автор исследований по истории XVI в.: «Судьба Мартина Лютера» (1928), «Ориген и Деперье, или Загадка „Кимвала мира“» (1942), «Вокруг Гептамерона, любовь священная и любовь мирская» (1944), «Проблема неверия в XVI в.: религия Рабле» (1942). Февр много сделал для утверждения новых принципов исторического познания, посвятил свое творчество «боям за историю», за новую историческую науку – науку о человеке, его ментальности, особенностях его мировосприятия, стереотипах мышления, чувствах.

⁴² Фернан Бродель (1902–1985) – известный французский историк. Произвел революцию в исторической науке своим предложением учитывать экономические и географические факторы при анализе исторического процесса. Яркий представитель французской историографической школы «Анналов», занимавшейся доскональным изучением исторических феноменов в социальных науках. Стал одним из основоположников мир-системной теории. Самой известной работой Броделя считается его трехтомник «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» (1979).

таций. Поэтому герменевтика, интерпретация и феноменологические методы представляют огромную важность для культурной истории. В связи с этим известно влияние идей Клиффорда Гирца. Линн Хант пишет по этому поводу, что за последние годы самым известным антропологом в области культурной историографии был Клиффорд Гирц. К его сборнику статей под названием «Интерпретация культур» обращалось много авторов разных периодов и стран. Например, Роберт Дарнтон⁴³ в своей книге «Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры» открыто говорит о преимуществах метода Гирца в стратегиях культурной интерпретации. В частности, он пишет: «Культурная историография – это тот вид истории, который имеет дело с антропологией. Метод антропологического исследования в истории начинается с допущения, что всякое индивидуальное культурное проявление происходит внутри более общей культурно-языковой общности. Таким образом, культурная история – это наука интерпретации и цель ее – “нахождение смыслов, создаваемых современниками”». Поэтому извлечение смыслов, а не нахождение причинно-следственных законов интерпретации официально признается основным назначением культурной историографии, подобно тому, как Клиффорд Гирц признает это основной миссией культурной антропологии.

С эпистемологической точки зрения самой главной особенностью этой науки, наверное, можно назвать ее междисциплинарность. Междисциплинарность – это преимущество, дающее возможность для более сложного, глубокого и качественного анализа. Другое дело, что подобные анализы нуждаются в обширных данных из смежных дисциплин, а это существенно усложняет положение: ведь основой движения в культурной истории, во-первых, является культура, а не история; во-вторых, основным ее предметом является современность, а не прошлое. Это следующая особенность культурной истории. Поэтому даже если кажется, что мы исследуем какой-нибудь вопрос современной культуры, на самом деле мы вынужденно придаем историчность современной культуре и создаем для нее почву, дабы смочь извлечь семантические системы. Возьмем, к примеру, войну. Междисциплинарные данные, применяемые по методу культурной истории, дают нам возможность доступа к особой семантической системе, благодаря которой мы можем определить метод ведения войны, ее образ, доктрину, причины, продолжительность и последствия. Другими словами, мы можем извлечь всё то, что изнутри эксплуатирует смысловую систему, чтобы интерпретировать и трактовать войну. Анализы культурной истории благодаря этому очень глубокие. Будучи нацелен на то, чтобы раскрыть смысловую систему, скрывающуюся за тем или иным событием, этот подход требует учитывать мельчайшие подробности, проводить полевые работы, создать теоретическую базу, чтобы пролить свет на события и предоставить возможность для теоретизирования, связать воедино все переменные и т. д. Всё это потому, что культурная история по своей сути «качественная», а не «количественная». И такой подход подразумевает наличие многих способностей. Например, для культурного анализа Ираноиракской войны нужно быть знакомым с языком – дискурсом, чтобы суметь понять, с одной стороны, язык шиизма, язык политического ислама и идеологии Исламской революции, с другой – язык политической философии партии Баас, язык арабского мира и арабского национализма. Затем необходимо понять предпосылки, подтолкнувшие обе стороны к войне, чтобы, по выражению Клиффорда Гирца, суметь предоставить «плотное описание» войны. Богатое культурное описание – это не примитивный поверхностный отчет, а скрупулезное изучение всех слоев одной темы или одного события. К примеру, чтобы плотно описать петушинные бои, Гирц старался ознакомиться с исламом,

⁴³ Роберт Дарнтон (р. 1939) – американский историк, специалист по истории печати и книжной культуры Европы, в первую очередь Франции. Работает в русле исторической антропологии – для представителей этого направления характерны фокусирование внимания на конкретных людях или небольших человеческих сообществах, на символизме повседневной жизни, поиск косвенных свидетельств об описываемых событиях.

историей ислама Западной Африки, историей региона, арабским языком и т. д. Отсюда его классическая интерпретация петушиных боев предельно точна.

Культурная история и культурные исследования. Саймон Дюринг⁴⁴ и большинство исследователей культуры называют труд британского историка Эдварда П. Томпсона «*Становление английского рабочего класса*» одним из первых текстов, повлиявших на появление культурных исследований. Томпсон пишет, что идентичность рабочего класса самому себе всегда имела веский политический и конфликтный компонент, это вопрос не только специфических культурных интересов и ценностей. Развал старой пролетарской культуры подразумевал, что политика, основанная на стойкой идентичности рабочего класса, все более теряла свою актуальность: люди все менее идентифицировали себя как рабочих.

Как бы там ни было, предложив междисциплинарный подход, эта работа смогла смешать новообразовавшуюся дисциплину – культурные исследования – с историей в семидесятые годы. Именно в эти годы сама культурная история переживала подъем и новое парадигматическое преобразование.

В своей книге Томпсон не ограничивается анализом той роли, которую сыграли в процессе формирования классов экономические и политические изменения, но исследует место в этом процессе народной культуры. В книге есть живые описания ритуалов посвящения ремесленников, роли ярмарок в «культурной жизни бедняков», пищевого символизма и иконографии бунтов. Для достижения того, что у Томпсона описывается как «структура чувства рабочего класса», анализируется диалектная поэзия.

Томпсон сыграл великую роль в культурной истории. Эту роль нужно рассмотреть на фоне чего-то грандиозного, скажем, изменении подхода марксистов к истории. В уже упомянутой статье Линн Хант пишет, что в последние годы объяснительные модели, внесшие наибольший вклад в развитие социальной истории, подверглись коренным изменениям, так как марксисты и последователи школы «Анналов»⁴⁵ начали все больше и больше проявлять интерес к культурной истории.

Поворот к культуре в марксистской историографии наблюдался в самом начале, еще в «*Положении рабочего класса в Англии*». Томпсон, решительно отвергнув метафору «базис – надстройка», сосредоточился на исследовании «культурных, этических и духовных посредничеств», или «методов, которые становятся материальным опытом, применяемым на практике... то есть культурных методов». Классовое сознание он описывает следующим образом: этот опыт сообразно культурным особенностям реализуется в традициях, системах ценностей, изображениях и институционализированных формах.

Несмотря на то, что книга Томпсона спровоцировала бурную полемику и внесла разлад в стан марксистов, где многие из них даже обвинили его в волонтаризме и идеализме, тем не менее она стала пользоваться непререкаемым авторитетом среди историков помоложе.

Издание Рафаэлем Самуэлем⁴⁶ в шестидесятые годы журнала под названием «*History Workshop*» («Историческая мастерская») стало великим шагом для написания истории

⁴⁴ Саймон Дюринг (р. 1950) – новозеландский профессор, исследователь при центре истории европейских Дискурсов в университете Квинсленда. Среди его основных работ можно назвать “Foucault and Literature: Towards a Genealogy of Writing” (Routledge, 1992), “Patrick White” (Oxford University Press, 1996), “Modern Enchantments: The Cultural Power of Secular Magic” (Harvard University Press, 2002). В настоящее время в основном работает над историей взаимоотношений между англиканством и литературой в Великобритании с 1600 по 1945 г.

⁴⁵ Школа «Анналов» (École des Annales), также «Новая историческая наука» (La Nouvelle Histoire) – историческое направление, основанное Люсьеном Февром и Марком Блоком. Эта историческая школа, формировавшаяся вокруг журнала «Анналы», оказала значительное влияние на развитие всей мировой историографии XX века.

⁴⁶ Рафаэль Самуэль (1934–1996) – британский историк-марксист, профессор истории. Один из создателей журнала «Прошлое и настоящее», пионер в исследовании истории рабочего класса. Основал «Партизанское кафе» (Partisan Coffee House) в Сохо (Лондон), ставшее местом встречи британских новых левых, а также движение «Историческая мастерская» в Колледже Раскина (Оксфорд), где преподавал в 1967 г.

«снизу», то есть истории народа и его культурной жизни. Этот журнал был совместным проектом одноименной группы английских историков. По словам Линн Хант, одним из удивительных поворотов марксистских историков к культуре был их всё возрастающий интерес к языку. В 1980 г. редакторы журнала *"History Workshop"* в одном из своих выступлений на тему «Язык и история» признали, что «структурная лингвистика» обрела важное влияние (термин «структурная лингвистика» здесь применяется ошибочно, но в любом случае передает задуманный смысл). Они считали, что внимание к языку может считаться критикой «рефлексивных теорий познания» и способно повлиять на работу «социалистических историков», учитывая их интерес к семиотике.

Отношения культурных исследований и истории намного сложнее их отношений с литературоведением, социологией или антропологией. Саймон Дюринг вторую главу своей новой книги *«Культурные исследования: критическое введение»* (2005) посвятил исследованию взаимоотношений культурных исследований и культурной истории. Он пишет, что культурные исследования, в отличие от культурной истории, официально сосредоточены на современной культуре. Но если бы это отличие не было гибким, то интерес культурных исследований к истории ограничивался бы поиском следов давно минувших репрезентаций в современной культуре, тогда как культурные исследования в этом смысле даже больше ориентированы на прошлое, разве что эта интерпретация прошлого несколько упрощена. Всегда, когда мы хотим объяснить текущее положение вещей, нам очень сложно устоять перед соблазном рассказать о прошлом. Эти рассказы объясняют нам, как и почему все сложилось именно так. Они больше обещают нам, нежели сообщают, потому что история никогда не может полностью объяснить настоящего. История всегда излишне избирательна и пристрастна. Но, несмотря на редукционизм исторических интерпретаций, все же наличие даже таких объяснений куда лучше, чем ничего.

По убеждению Дюринга, понятие «современное» не такое уж и неопределенное, однако вопрос заключается в том, где именно заканчивается прошлое и начинается настоящее. Одним словом, настоящее – не что иное, как отблеск и интерпретация прошлого, поскольку не существует ничего, что появилось бы из ниоткуда. Всё существующее нашло свою актуализацию благодаря прошлым конструкциям. Повседневный рутинный быт наполнен прошлым. Например, процесс принятия пищи и ее приготовления мы унаследовали от предыдущих поколений. Оформление трапезы изобилует поверьями и обычаями наших предков. Возьмите любую вещь или феномен, и вы убедитесь, что он несет на себе печать прошлого. Многие разделы теории современности исследуют то, каким образом прошлое переходит в мир настоящего и получает продолжение. На индивидуальном уровне слово, которые мы используем в настоящее время для описания прошлого, – это «привычка». Также мы говорим о социальных привычках. В университетских исследованиях прошлое не воспринимается как повторение социальных привычек или цепочка бессознательных причин, нет, прошлое для нас – это история. Поэтому мы должны учитывать, что история – это специфический способ понимания прошлого. Слово «история» неопределенно, поскольку подразумевает как научную дисциплину, так и прошлое в целом. Есть ощущение, что вся история имеет отношение к тому, что происходит здесь и сейчас. Всё, что не имеет хотя бы какого-нибудь присутствия в настоящем, не имеет и истории. Можно с уверенностью сказать, что оно забыто. Неопределенность, существующая между знанием и историей как событием в прошлом, говорит о том, что история – это систематизированный способ описания прошлого. Как пишет Дюринг, мы воспринимаем современное больше в качестве процессов, нежели устойчивых вещей. В этом смысле современное есть нечто текущее и находящееся в движении.

Рассказывая о теории времени Реймонда Уильямса⁴⁷, Дюринг пишет, что, согласно Уильямсу, настоящее время состоит из трех компонентов: первое – это остатки/останки (то, что передается по наследству от прошлого и не имеет особого отношения к будущему); второе – доминанты (то, что контролирует настоящее время); третье – зарождающиеся элементы (то, что еще не нашло своего полного развития, но, тем не менее, уже существует). Принимая во внимание текучесть характера современного, а также ее компоненты (прошлое и будущее), мы неизбежно приходим к заключению, что культурные исследования – это нечто из той же породы, что и культурная история.

Культурная история и история культуры. Как «культурные исследования» являются отдельной дисциплиной и отличаются от «культурологии», так же и культурная история отличается от истории или историографии культуры. Безусловно, оба дискурса влияют друг на друга, и их отличие не означает отсутствия взаимосвязей. И в самом деле, очень нелегко отличить тексты по культурной истории от текстов по истории культуры, потому что в одном и том же тексте оба подхода могут проявляться с большей или меньшей интенсивностью. Все познается в сравнении. Для того, чтобы лучше узнать культурную историю, нужно сравнить ее историей культуры и на примере различий объяснить ее суть.

Как было уже сказано, культурная история – это своего рода способ анализа или же особый подход к современному обществу. История культуры добивается того, чтобы история воспринималась как исторический материал, а культурная история – того, чтобы история превратилась в инструмент анализа и метод познания. Поскольку история культуры рассматривает историю как исторический материал, то и культуру она рассматривает в целом, не обращая особого внимания на ее компоненты и составляющие, тогда как культурная история – это история внимания к деталям культуры. Следующий момент: термин «история культуры» имеет отношение к процессу формирования, развития, эволюции и изменения культуры и по сути является своего рода описательно-повествовательным познанием и позитивистским прочтением культуры. Точка зрения истории культуры на культуру – это прежде всего традиционный, или классический, взгляд, который никогда не задается целью исследовать причинно-следственную связь. Он не пытается объяснить культуру, но смотрит на нее сквозь призму истории так же, как смотрит сквозь нее на семью, религию, технологии, государства и т. д. В результате появляются такие виды истории, как история семьи, история религии, история технологий, история государства и т. д.

Здесь мы вкратце укажем на отличительные черты культурной истории с учетом всего того, что было уже сказано, а также с учетом ее эпистемологических и методологических отличий от истории культуры. Культурная история считает культуру независимой переменной. Поэтому она (культурная история) считается больше культурным подходом, нежели историческим. Как культурный феномен культурную историю начинают воспринимать в 1960-е гг., в то время как история культуры, так же как и другие виды истории, например, история литературы, история науки, история искусства, история мысли, история политики и история экономики, существует давно.

Культурная история изучает не только культуру элит, но и культуру народа (культуру низов) и, в отличие от истории культуры, для которой важность представляет только культура избранных, является культурной историей мысли. Следующее – то, что культурная история, в отличие от истории культуры, которая нацелена на фиксирование сугубо научного опыта, ищет культурный опыт в повседневной жизни всех членов общества. Именно поэтому в данном подходе подробно изучается массовая культура. Например, при исследовании искусства и художественного опыта учитывается даже опыт какой-нибудь домохозяйки. При исследова-

⁴⁷ Реймонд Уильямс (1921–1988) – британский уэльский писатель, теоретик культуры и литературы, неомарксист, один из наиболее активных и влиятельных в Великобритании новых левых.

нии музыки наряду с традиционной и классической музыкой в центре внимания оказывается и поп-музыка. Одним словом, можно сказать, что культурная история наряду с академическими и классическими знаниями регистрирует народные (массовые) и местные (локальные) знания.

Следующая особенность культурной истории заключается в том, что она избегает субстанциальных и элитарных взглядов. В ней актуальными становятся события, не запланированные заранее (здесь отчетливо прослеживается влияние идей Фуко). Поэтому культурная история критически относится к гегелевским и прочим взглядам, утверждающим, что история имеет общую траекторию, конкретные стадии и целенаправленность. Для культурной истории пробелы в формировании и становлении одной действительности куда важнее периодов, лишенных таких пробелов. В отличие от истории культуры, которая всегда ищет великие образы и большие арены или, другими словами, точки могущества и власти, для того чтобы утвердить дух времени над определенным периодом и тем самым добиться гармоничности и последовательности, культурная история фокусирует внимание на противоречиях, различиях и вызовах, чтобы как можно точнее определить, какую роль играет власть в строительстве смысла.

Культурная история фокусируется на эмоциях, чувствах, ощущениях и серьезных переживаниях, в то время как историю культуры заботит лишь мысль или, говоря языком Фуко, «история систем мышления». Когда человек, подобный Фуко, исследует такие вопросы, как «история безумия», «история тюрьмы», «история сексуальности», «история клиники» и т. п., и при исследовании различных вопросов прибегает к археологии и генеалогии, это происходит потому, что методы археологии и генеалогии могут помочь проследить формирование наших первых эмоций, ощущений и концепций мира.

Изучая любой факт или феномен, культурная история преследует цель – выявить, как появляются исторические факты и как они превращаются в факты субстанциальные. Новая культурная история, которая обозначается аббревиатурой NCH, испытала на себе сильное влияние постмодернистской эпистемологии и критики позитивистской историографии с герменевтическим уклоном. Чрезвычайно важной новая культурная история считает силу текста. Такой подход сформировался под сильным влиянием идей таких теоретиков, как Фуко, Бахтин⁴⁸, Бурдьё, Элиас и Мишель де Серто⁴⁹. В 1960-е гг. он начал набирать обороты и уже воспринимался всерьез. В 1989 г., после публикации сборника статей одного американского историка под одноименным названием NCH, под этот подход была подведена солидная теоретическая база. Согласно новой культурной истории, исторические факты – это всего лишь социальные конструкции, и не существует никакой абсолютной истины вне человеческого разума, или, как минимум, интеллектуальный (ментальный) аппарат человека не способен раскрыть никакую абсолютную истину. Все факты проистекают из разума, воображения и предположений индивидов, и истина строится в тексте. Хайден Уайт⁵⁰, видный американский историк, в своей книге «Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в». (1973), рассмотрев взгляды

⁴⁸ Бахтин Михаил Михайлович (1895–1975) – русский философ, культуролог, теоретик европейской культуры и искусства. Исследователь языка, эпических форм повествования и жанра европейского романа. Создатель новой теории европейского романа, в том числе концепции полифонизма (многоголосия) в литературном произведении. Развил теорию универсальной народной смеховой культуры. Бахтин – автор нескольких лингвистических работ, посвященных общетеоретическим вопросам, стилистике и теории речевых жанров.

⁴⁹ Мишель де Серто (1925–1986) – французский историк, антрополог, культуролог, социальный философ; член Общества Иисуса (ордена иезуитов). Наиболее известной и влиятельной работой де Серто является книга «Изобретение повседневности» (1980). В этой работе автор развивает оригинальную теорию повседневности, где «пользователи» ведут незримую борьбу, сопротивляются навязанным правилам и порядкам, изменяя их в процессе «освоения».

⁵⁰ Хайден Уайт (р. 1928) – американский историк и литературный критик. В 1973 г. опубликовал свою наиболее известную книгу “*Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*” («Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в.»). В этой работе Уайт, используя методологический аппарат тропологии, рассмотрел особенности исторического повествования крупнейших историков XIX в. Уайт считается одним из творцов «лингвистического поворота» в исторической науке.

четырёх крупных историков Америки и Европы XIX века, наглядно показывает, как передача повествований через художественный жанр (будь то комедия, сатира, трагедия и т. д.) влияет на подачу одной и той же действительности. Поэтому с точки зрения культурной истории – и здесь она опять противоречит истории культуры – объективно история не подлежит изучению и исследованию, а истина всегда попадает под влияние культурных и исторических конструкций общества, иными словами, культурного или исторического опыта индивидов. Таким образом, никакое повествование прошлого не может считаться абсолютным отражением или реальной репрезентацией того, что было. Эта точка зрения в числе прочих была высказана вслед за выдвижением теорий репрезентации. Первая категория этих теорий стала известной под названием «конструкционизм» с такими ключевыми понятиями, как «социальные/исторические/ политические конструкции», подразумевающие конструирование смысла в социальном и культурном контекстах. Будто индивидуумы создают смыслы/значения и затем, по выражению Барта⁵¹, делают их настолько внутренними, что начинают полагать, что они очевидны, изначальны, сущностны и субстанциальны.

Вторая категория теорий репрезентации, известная как «рефлекторная», считает смысл/значение чем-то внешним. Его отражают такие профессионалы, как историки, ученые, философы, социологи, фотографы, художники и т. д. Третья категория известна как «таргетированная репрезентация». Она рассматривает смысл как нечто intersubъективное, конструируемое в процессе интеракций.

Культурная история «теоретико-ориентирована», тогда как в истории культуры выдвигается меньше теорий относительно того или иного феномена или понятия. Если сравнить сочинения таких культуральных историков, как Юрген Хабермас (о буржуазии), Макс Вебер (о протестантизме) или Норберт Элиас, с сочинениями Уильяма Дюранта⁵² или Арнольда Тойнби⁵³, то можно увидеть, что последние не имеют аналитического, теоретического взгляда на историю и исторические феномены. Дюрант и Тойнби также не выдвигают никаких теорий. Культурная история стала теория-центричной после того, как изменилось теоретическое понимание культуры.

⁵¹ Ролан Барт (1915–1980) – французский философ-постструктуралист и семиотик. Одна из самых знаменитых его статей – «Смерть автора» (1967). Ее название часто используется как выражение сути его философских взглядов. «Смерть автора» означает не конец авторства, а избавление современной словесности от диктата однозначной авторской интерпретации смысла произведения.

⁵² Уильям Джеймс Дюрант (1885–1981) – американский писатель, историк и философ. Наиболее известен как автор 11-томной «Истории цивилизации», которая была опубликована между 1935 и 1975 гг., и «Истории философии», написанной в 1926 г., которую один автор описал как «новаторскую работу, которая помогает популяризовать философию».

⁵³ Арнольд Джозеф Тойнби (1889–1975) – британский историк, философ истории, культуролог и социолог. Один из разработчиков цивилизационной теории, автор 12-томного труда по сравнительной истории цивилизаций «Постижение истории». Исследователь процессов глобализации, критик концепции европоцентризма.

Изменение дискурсов истории и историографии в Иране

Историки считают историографию исследованием событий, происшествий, человеческого быта и жизнедеятельности в прошлом. Историография имеет различные направления. Каждый раз, когда речь заходит о прошлом и об истории, на ум приходят историография и история как научная дисциплина. Безусловно, «прошлое» и «история» никогда не были прерогативой этого направления человеческого знания. По выражению Кейта Дженкинса⁵⁴, историография – это один отрывок «дискурса истории» в каждом социуме среди множества других.

Под дискурсом истории имеется в виду способ воплощения и репрезентации истории или прошлого каждого общества и доступ к нему. Дискурс истории – это «социальная и историческая конструкция», берущая начало от политической, социальной, экономической и культурной системы и пропорционально всестороннему развитию социальной системы видоизменяющаяся. Внимание человека к прошлому никогда не было ограничено скрупулезно зафиксированным опытом историков и исследователей. Нет, люди в рамках общества и культуры, благодаря развитию технологий и эпистемических инструментов, создали для себя свое видение прошлого через искусство, литературу, религию, философию, архитектуру, промышленность и другие материальные и духовные достижения. Различные группы общества, будь то элита или масса, сообразно своим эпистемологическим возможностям и социальному статусу находили свой особый доступ к прошлому, для чего в разные периоды истории создавались и развивались разные инструменты и возможности.

Несмотря на обширность дискурса истории, историография и исторические исследования представляют особую важность и имеют больший авторитет по сравнению с другими методами и средствами доступа к прошлому, потому что историография – это осознанное, систематизированное и методологически выверенное стремление человека найти свое прошлое. Это стремление и этот поиск присущи всем народам, имеющим цивилизацию. Все великие народы и нации мира имели свою традицию фиксирования истории. Ведь, как говорил Гегель, народ, который не писал свою историю, не имеет ее. Эти слова означают, что историография является необходимым условием формирования идентичности на всех уровнях.

Необходимо отметить, что историография, как отрывок дискурса истории, вступает с ним во взаимодействие в том смысле, что оказывается под его влиянием и сама влияет на него. Поэтому нельзя считать дискурс истории всецело продуктом историографии и труда историков. Чтобы понимать историографию в любом обществе, необходимо знать дискурс истории исследуемого общества, что опять-таки немислимо без знания его историографии.

⁵⁴ Кейт Дженкинс (р. 1943) – британский историограф. До 2008 г. – профессор истории в университете Чичестера. Автор таких работ, как “Re-thinking History” (1991), “What is History”: “From Carr and Elton to Rorty and White” (1995), “Why History? Ethics and Postmodernity” (1999).

Дискурс истории и историографии в Иране

Иранцы, так же как и другие народы с давней историей и богатой цивилизацией, всегда уделяли истории самое пристальное внимание. Ницше сказал, что впервые историю осознали и разделили на различные периоды именно иранцы. Еще Геродот 2400 лет назад начинает свою историю так: «По словам персов – лучших историков...». Слова Ницше свидетельствуют как о древности «истории Ирана», так и о долгой истории историографии в этой стране.

Интерес к истории в иранском обществе, как и в большинстве других обществ, существовал в рамках двух основных направлений: профессиональной историографии, которой занимаются профессиональные историки, и популярной истории, иными словами, интерпретации истории среди масс, получившей свое воплощение в различных фольклорных жанрах. Эти два направления получили свое продолжение сообразно социальному контексту и эволюции цивилизации в Иране. Что касается популярной истории, то среди масс всегда существовали различные формы повествования, которые менялись пропорционально социальным, экономическим и политическим изменениям. До ислама и долгое время после его принятия интерес иранцев к истории главным образом формировался и передавался благодаря сказкам и легендам. Вместо того, чтобы писать историю, чтобы дать объяснение тем или иным событиям, иранцы сочиняли легенды, рассказы и былины. По меткому выражению Ахмади Алиабади, историю Ирана слагали сказки и легенды, придуманные сказителями и поэтами. Этот процесс не прекращался даже после того, как у иранцев оформилось новое историческое и историографическое видение, и вплоть до эпохи модерна как феномен продолжал жить в их культуре и менталитете. Историческое видение или воображение простых иранцев (не элиты) в прошлом складывалось, как правило, из творчества сказителей и рассказчиков разных мастей. Долгими зимними вечерами, устроившись вокруг корси⁵⁵, иранцы с упоением слушали «Шахнаме», «Мохтарнаме», «Джавхари», «Сирадж ал-кулуб», «Тысячу и одну ночь» и т. д. Истории рассказывались всюду – на улицах, площадях, массовых представлениях, в домах. Однако в современную эпоху с появлением средств массовой информации, включающих прессу, радио, телевидение и Интернет, судьба у популярной истории была разной. В этот период во всех странах мира, в том числе в Иране, СМИ в огромном количестве производят полюбившиеся читателю и связанные с прошлым сказки, легенды и рассказы, занимая его «массовым потреблением». На этом мы подробнее остановимся чуть позже.

В области профессиональной историографии в Иране появились различные ее виды, такие как иранская историография, исламская историография, новая историографии, исследующая разные периоды истории, как то: доисламский Иран, исламский период и современный период.

В доисламском Иране со времен написания таких трудов, как «Ходайнаме» (середина V в.), «Нама-е Тонсар» и «Йадегар-е зариран ва карнаме-е Арадашир-е Бабакан», в сасанидскую эпоху и до сегодняшнего дня в обиходе были различные виды историографии, особенно историографии повествовательной. В силу разных причин, среди которых – особое отношение Корана к истории, прогресс исламской империи и многое другое, историография в Иране бурно развивалась. С издания персидского перевода «Тарих Табари» («История ат-Табари») под названием «Тарих Бал'ами» началась эволюция исламской историографии. Появились разные виды историографии, такие как общая историография, местная историография, династическая историография, рифмованная историография и т. д. Своего пика она достигла в эпоху Саманидов и Газневидов, когда были изданы такие труды, как «Тарих-е Хоразм» Абу Рейхана Бируни, «Зайн ал-ахбар» Гардизи и «Тарих-е Байхаки» Абу ал-Фазла Бай- хаки.

⁵⁵ Корси – маленькая комнатная печка типа жаровни.

Историография в Иране узнала много взлетов и падений, пока в современную эпоху не подверглась коренным изменениям, которые начались в эпоху Каджаров и продолжаются до сегодняшнего дня. Историческая наука сначала претерпела фундаментальные изменения в XIX в. в Европе. Актуальность исторического знания в XIX в., а также возрастающее национальное самосознание народов, всё острее ощущающих необходимость создания национальных государств (государств-наций), роль истории и исторического сознания в процессе создания нации и такие идеологии, как национализм и марксизм, явились факторами прогресса исторической науки и историографии в современном мире. Прогрессировала наука в ее современном понимании. Появились новые науки, в частности, гуманитарные и общественные. Одним из научных направлений, получившим бурное развитие и обретшим новую эпистемологическую и методологическую платформу, была история. Доминирующей теоретической парадигмой, давшей определение новой исторической науке, стал позитивизм. Согласно этой парадигме, «объективная структура» действительности, такой, какая она есть, очевидна и определяет саму себя. Достаточно только применить «научную методологию» и дать объяснения событиям так, как они происходили. Все историки помещали и продолжают помещать историю рядом с внешними объективными событиями, то есть исследуют действительность того, что произошло в прошлом. Такая парадигма продержалась до 1970 г. – периода постепенного перехода от количественных исследований к качественным, от макроистории к микроистории, от структурного анализа к повествованию и, наконец, от социальных вопросов к вопросам культурным. Хотя со временем минусы позитивистской парадигмы и были обнаружены, тем не менее ей удалось обнажить недостатки домодерных историографий.

Как тут не вспомнить иранскую интеллигенцию, которая, познакомившись с новой историографией, узнала о методологических недостатках традиционной историографии Ирана, в результате чего последняя столкнулась с серьезными вызовами. Несмотря на то, что иранская историография в домодерновские периоды добилась многого и сыграла существенную роль в истории Ирана, она сильно отличалась от современной историографии. До современной эпохи литература, поэзия и жизнеописания выдающихся личностей входили вместе с историей в одну общую группу. Исторические справки сопровождались помпезными оборотами, стихами, дифирамбами и нередко были рифмованы. Авторы этих справок почти всегда были людьми, связанными с литературой. Их называли «историки-литераторы». В этом виде историографии анализу, критике и логическому заключению не придавалось особого значения. Авторы просто ставили все события в один ряд, не принимая во внимание причинно-следственные связи и воздерживаясь, в большинстве случаев, от упоминания событий и фактов из-за боязни, опаски или непонимания сути.

В эпоху Каджаров⁵⁶ благодаря знакомству иранцев с Европой и знаниями, произведенными Ренессансом, а также с промышленной революцией и изменениями современного мира историография постепенно стала развиваться и меняться. Вследствие появления переводов исторической литературы, создания новых центров обучения и образования, эмиграции иранской элиты в Европу и доступа к новым научным источникам, а также по многим другим причинам в Иране появился новый стиль историографии. Учреждение первого в Иране университета Дар ал-фунун (1889), открытие Школы политических наук (1938) и преподавание истории в этих учреждениях, где иранцы знакомились с историей Европы и европейской историографией, можно назвать главными факторами появления нового стиля. Позже на фарси было переведено множество книг по истории. Иранские историки начали критически оценивать традиционную историографию и писать в новом стиле. После основания Тегеранского университета (1934) и учреждения новой системы высшего образования история как научная

⁵⁶ Каджары – династия, основанная предводителем тюркского племени каджаров Ага-Мухаммад-ханом Каджаром и правившая Ираном с 1795 по 1925 г.

дисциплина постепенно стала развиваться. За последние несколько десятков лет в стране были открыты десятки научно-исследовательских институтов, занимающихся изучением истории. Теперь ежегодно пишутся и переводятся тысячи статей и книг в области истории и выпускаются сотни специалистов от бакалавров до докторантов.

Социальные, экономические, политические и культурные изменения в мире в целом и в Иране в частности имели противоречивое влияние на эволюцию истории, историографии, исторических исследований и образ подачи истории. Почему противоречивое? Потому что, с одной стороны, они стали фактором развития исторических исследований и актуализации истории, с другой – существенно препятствовали эпистемологическому и методологическому прогрессу этих исследований в Иране. Институционализация, идеологизация и медиазация исторических исследований явились тремя процессами, создавшими в прошлом веке почву для развития исторических исследований и в то же время поставившими их перед лицом методологических вызовов. Здесь мы коротко и в общих чертах расскажем о каждом из этих процессов.

Институционализация. Как уже было сказано, новые исторические исследования и новая историография в Иране сформировались благодаря учреждению Дар ал-фунун, Школы политических наук и Тегеранского университета. С момента основания Тегеранского университета и по сей день десятки образовательных групп в государственных и негосударственных вузах по всей стране заняты подготовкой специалистов – исследователей и историков. Эти высшие учебные заведения призваны подготовить кадры для научно-исследовательских институтов и издательств, развивающихся одновременно с вузами. Высшие учебные заведения подготовили почву для грандиозных изменений в области исторических исследований и историографии в Иране. Перечислим лишь некоторые: подготовка профессиональных историков; профессионализация историографии; передача методологических и эпистемологических достижений исторических исследований на мировом уровне, особенно от Запада к Ирану; стандартизация методов исследования по новому образцу в области исторических исследований и историографии путем обучения новым методам исследования; координация деятельности академического сообщества и Академии истории Ирана путем присуждения дипломов и организации встреч и мероприятий для любителей истории; распространение исследовательских и учебных текстов по историографии.

Однако по истечении времени и после институционализации университета исторические исследования и академическая историография не смогли идти в ногу с прогрессом историографии в мире или хотя бы развиваться пропорционально потребностям иранского общества. Изучение проблем академической историографии само по себе является отдельной темой. Поэтому очень скоро наряду с академической историографией на общественной арене появилась «интеллектуальная историография». Эти исследования по большей части имеют междисциплинарный характер. Они пользуются поддержкой издательских и государственных исследовательских институтов. В действительности университет не мог удовлетворить потребности правительств и независимой интеллигенции, и те были вынуждены создать для своих исторических исследований другие институты. За прошедшие сто лет сотни издательских и исследовательских центров и высших учебных заведений занимались производством, распространением и развитием историографии в Иране, используя институционализированную методологию. Поэтому, чтобы знать реальное положение историографии в сегодняшнем Иране, необходимо знать институционализированные методы, механизмы и производительность этих институтов. С политической и идеологической точки зрения, а также с точки зрения исторического дискурса эти институты не монолитны. Так, университетские институты главным образом и прежде всего считают себя приверженцами научного метода и позитивистской парадигмы. Эта была первая парадигма, на основе которой Академия новой историографии Ирана сформировалась и отделилась от традиционной историографии.

Независимые издательские организации по сравнению с университетами обладают большей свободой действий и имеют более тесные отношения с общественностью и интеллигенцией. Эти организации выступают за распространение актуальных переведенных текстов, пользующихся большим спросом на интеллектуальном рынке. С развитием издательской индустрии и увеличением количества издательских центров за последние несколько десятков лет возможности этих независимых центров в области историографии и исторических исследований Ирана серьезно возросли, и их положение упрочилось. По причине своего разнообразия и многочисленности они смогли предложить иранскому обществу широкий спектр исторических источников, материалов и тем. И сегодня, благодаря быстрому и безграничному доступу к научным источникам и материалам через Интернет, иранские переводчики и авторы, пользуясь поддержкой независимых издательских центров, изо дня в день распространяют историографические материалы.

Открытие государственных центров исследования истории и историографии – следующий фактор прогресса и институционализации историографии в современном Иране. Как уже было отмечено, официальные власти в Иране воспитывали своих собственных историков и оказывали им всяческую поддержку. В прошлом этот вопрос имел индивидуальный характер. Шахи и правители оказывали историкам финансовую помощь в виде наград или утвержденных окладов. Современные правительства для этих целей создают исследовательские, образовательные и издательские организации. Функционируя за счет государственного бюджета, эти организации должны соответственно с ценностями и политической философией действующего правительства пропагандировать определенное прочтение истории Ирана и реагировать на вызовы, создаваемые диссидентами и оппонентами. Однако эти организации не всегда и не обязательно бывают лояльны тем политическим целям, которые официальные власти ставят перед ними, и зачастую в различных формах также помогают развитию дискурса истории среди общественности.

Необходимо отметить и то, что институционализация дискурса истории в Иране не ограничивается упомянутыми институтами и организациями. Новая система образования сыграла в этом не меньшую роль. Образование было первым развитым и всеохватывающим институтом, который сто лет назад начал производить и распространять современную культуру в Иране. Одним из первых компонентов учебной программы новой системы образования в Иране была история. Благодаря этой дисциплине у учащихся должно было сформироваться новое «историческое воображение» относительно прошлого Ирана. Поэтому каждое правительство, исходя из своей политической философии, представляло в учебниках свое видение иранской истории.

Также новой системе образования существенно увеличить аудиторию исторических материалов через повышение уровня грамотности. Еще сто лет назад меньше 20 % населения Ирана умели читать и писать. Теперь же, благодаря новой системе образования, более 80 % населения грамотно. Повсеместное внедрение высшего образования обогатило культурный капитал каждого отдельно взятого члена общества. Можно с уверенностью сказать, что система образования и воспитания и система высшего учебного образования продолжают целенаправленно, непрерывно и институционализированно готовить аудиторию для исторических текстов. Это обстоятельство, в свою очередь, подготовило почву для «массификации» истории и историографии. Процесс массификации истории приобрел еще больший размах с развитием СМИ и «медиазации». Важным моментом является то, что из-за массификации аудитории исторических текстов изменениям подвергаются различные аспекты историографии.

Идеологизация. Еще в начале второй половины XIX в. иранская интеллигенция осознала, насколько для Ирана в целях осуществления «идеи прогресса» важна история. Такие фигуры,

как Мирза Фатали Ахундзаде⁵⁷ и Мирза Ага-хан Кермани⁵⁸, начали критиковать традиционную историографию и до Конституционной революции в Иране смогли ознакомиться с новым стилем исследования истории. Но с самого начала они стали заложниками идеологических воззрений. Национализм был первой идеологией, ставшей парадигмой новой историографии. Появление нового государства-нации в Иране вслед за Конституционной революцией и приходом к власти Резашаха основывалось на «романтическом национализме» или «культурном национализме» (возрождении культуры древнего Ирана). В результате крупнейшие представители интеллигенции эпохи Конституционной революции: Мирза Ага-хан Кермани, Сейед Хасан Таги-заде⁵⁹, Хосейн Пирния⁶⁰ и другие видные историки – стали смотреть на историю и исторические исследования через призму этой идеологии. До сих пор во многих исторических исследованиях ее влияние отчетливо прослеживается.

Марксизм – следующая идеология, которая уже в современный период повлияла на исторические исследования по всему миру. Не остался в стороне и Иран. Марксистская идеология со всех точек зрения имела колоссальные последствия для истории. Марксистские историки, такие как представители школы «Анналов», добились удивительного прогресса в исторических исследованиях. Главным образом они фокусировали свои исследования на социально-экономических аспектах событий, а также на людских массах. Начиная с 1880 г. и далее многие представители интеллигенции, в числе которых были и историки, примкнули к марксистам, чтобы, солидаризуясь с общественными и пролетарскими движениями, большинство из которых благодаря учению Маркса превращалось впоследствии в массовые политические силы, изменить мир. Солидаризация интеллигенции с массовыми движениями подтолкнула историков, призывающих к изменению мира, к специфическим исследованиям, таким как исследования истории и жизни простого трудящегося народа.

В Иране марксистская историография появилась с созданием и усилением Народной партии Ирана. Эту науку развивали такие исследователи, как Таги Арани, Эхсан Табари⁶¹, Карим Кешаварз⁶², Ирадж Эскандари⁶³, Фархад Номани⁶⁴ и Багер Момини. Горькая правда о марксистской историографии в Иране состоит в том, что этот вид историографии больше походил на партийную и политическую деятельность, нежели на независимую академическую дисциплину. В результате она не смогла идти в ногу с методологическим развитием марксистской историографии и не сумела помочь развитию историографии в Иране.

⁵⁷ Мирза Фатали Ахундов (Ахундзаде) (1812–1878) – азербайджанский писатель-просветитель, поэт, философ-материалист и общественный деятель, член Российского императорского географического общества; зачинатель азербайджанской драматургии и основоположник азербайджанской литературной критики. Также был одним из предшественников романтического, современного иранского национализма.

⁵⁸ Мирза Ага-хан Кермани (1853–1896) – иранский литературный критик, написавший в подражание «Трем письмам» Ахундова два трактата («Три письма», «Сто обращений»), а также много других произведений, в которых он выдвигает программу перестройки иранского общества на основе либерально-буржуазных принципов, требуя проведения коренных реформ в области экономики, культуры и просвещения.

⁵⁹ Сейед Хасан Таги-Заде (1878–1970) – иранский политический деятель, министр, спикер меджлиса, дипломат, ученый, профессор Кембриджского университета. Автор работ по древней истории Ирана, об иранской революции 1905-11 гг. и др.

⁶⁰ Хусейн Пирния (1875–1948) – иранский политик, занимал должность спикера парламента Ирана с 1914 по 1925 г. и с 1928 по 1929 г. Сыграл значительную роль в разработке иранской Конституции 1906 года, министр образования в 1918 г.

⁶¹ Эхсан Табари (1917–1989) – иранский интеллектуал, один из основателей и теоретик просоветской партии Туде. Также писал и переводил стихи и занимался исследованиями в области лингвистики.

⁶² Карим Кешаварз – известный иранский переводчик. Перевел на фарси некоторые произведения Пушкина, Лермонтова, Максима Горького. Брат одного из лидеров партии «Туде».

⁶³ Ирадж Эскандари (1907–1984) – один из самых знаменитых деятелей иранской «Хезбе-Туде», ее Генеральный секретарь. Перевел на фарси три тома «Капитала» Маркса. Специалист по древней истории Ирана. Был избран в парламент Ирана и прославился страстными и яркими речами.

⁶⁴ Фархад Номани – современный иранский профессор, сопредседатель департамента экономики американского университета в Париже. Является соредктором журнала «Ислам и государственная политика» и соавтором труда «Исламская экономическая система».

Третьей идеологией, повлиявшей на исторические исследования в Иране, был локализм. Многие представители иранской интеллигенции являлись его комментаторами. Эта идеология распространилась в результате критики колониальных отношений Запада и модернизации по западным лекалам в эпоху Пехлеви. Локализм был мировой идеологией, распространившейся в незападных странах. Он приобрел разные формы, такие, в частности, как постколониальный дискурс, антиориентализм и исламизм.

В 1970-е гг. с возникновением дискурса критики и переосмысления гуманитарных и социальных знаний на Западе в незападных странах также появилась своего рода критика новой историографии и исторических исследований под знаменем «постколониального дискурса». Суть этого дискурса, по словам Франца Фанона⁶⁵, заключается в том, что колониализм не ограничивается лишь навязыванием себя настоящему и будущему подконтрольной страны. Колонизатор обращает свой взор и на прошлое измученного народа, извращает и уничтожает его. Конечной целью является – убедить местных жителей в том, что колониализм должен спасти их от мрака и невежества, внушить, что уход колонизатора означает возврат к дикости и варварству.

В Иране в упомянутые десятилетия постколониальный дискурс нашел выдающихся представителей в лице Джалала Ал-е Ахмада⁶⁶ и Али Шариати⁶⁷. В своих многочисленных работах они давали критическую оценку иранской интеллигенции, в том числе историкам. В результате развития этого дискурса и в силу множества других социально-политических обстоятельств в 1979 г. произошла Исламская революция. С тех пор правящий политический режим прилагает все усилия для развития исламской историографии и любой другой, не вступающей в противоречие с исламским мировоззрением и ценностями Исламской революции. Но в то же время у ряда академических историков оформился своего рода критический дискурс, или критическое сознание, в отношении образовательной и исследовательской деятельности последних десятилетий. Этот дискурс затрагивает такие вопросы, как критика существующего исторического знания, методологические, эпистемологические и теоретические недостатки, идеологические и политические ограничения, недостаточность исторических источников и исследований, необходимость большей критики исторических исследований, необходимость развития междисциплинарного подхода в области исторических исследований и т. д.

Теперь мы находимся в ситуации, когда дискурс истории в Иране столкнулся в ряде своих аспектов с определенными вызовами. Самой большой помощью, которую могла бы оказать академическая историография в Иране, стало бы методологическое развитие исторических исследований, но, к сожалению, этого не произошло. Приходится констатировать, что все социальные и политические исследования в Иране сталкиваются с проблемой методологии. Исследования превратились в комплекс определенных и устойчивых алгоритмов, напрочь лишенных всякой креативности и оригинальности. Социальные исследования становятся бесплодными.

Чтобы быть исследователем, не нужно быть креативным. Не обязательно даже «мыслить» в подлинном смысле этого слова. Достаточно хорошо знать алгоритм исследования. Чтобы вы могли очень хорошо превратить заголовок в вопрос. Затем предложить подходящий метод. И вести этот метод согласно определенным измерительным, испытательным и документальным

⁶⁵ Франц Омар Фанон (1925–1961) – франкоязычный вест-индский революционер, социальный философ и психоаналитик. Один из теоретиков и идейных вдохновителей движения новых левых и революционной борьбы за деколонизацию в странах Третьего мира.

⁶⁶ Джалал Ал-е Ахмад (1923–1969) – известный иранский писатель, мыслитель, общественный и политический критик.

⁶⁷ Али Шариати (1933–1977) – иранский левый социолог и революционер, один из наиболее известных и влиятельных социологов религии. Известен как один из самых оригинальных и талантливых иранских мыслителей XX в. и один из идеологов Исламской революции.

алгоритмам по конкретному коридору. И вот исследование готово! Можно предложить его работодателю.

Также много говорится о том, что исторический анализ в большой степени отделился от основного комплекса вопросов исследовательского метода. Отдельные или разрозненные исторические исследования, которые проводятся в Иране, не имеют методического характера и ограничиваются лишь описательными сравнениями без процессуального анализа⁶⁸.

Критике подвергаются не только методологические основы исторических исследований, но также тематика историографии и в целом дискурс истории. Критика эта зародилась в Европе в середине XX в. и далее перекочевала в другие страны. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. группа молодых историков-марксистов начала распространять книги и статьи под общим названием «История снизу» (история народных низов, а не элит и верхов). Из классических трудов здесь можно выделить работы Джорджа Рюде о роли народных низов, или толп (crowd), в Париже во время Великой французской революции, книгу Альбера Собуля о парижских санкюлотах (радикальных республиканцах времен Великой французской революции) и, конечно же, известный труд Эдварда П. Томпсона об английском рабочем классе.

Вдохновившись этой инициативой, историки в начале 1960-х гг. переключились с традиционной историографии, фиксирующей лишь события, связанные с политическими лидерами или политическими институтами, на исследование социального наполнения повседневной жизни пролетариев, женщин, этнических групп и т. п.

Медиазация. В результате развития средств массовой информации история и историческое повествование прогрессировали в медийном формате. Сегодня исторические сериалы, археологические телепроекты, научно-исторические экскурсии и всевозможные исторические телепередачи стали одними из важных и востребованных телевизионных программ. Это обстоятельство привело к «визуализации» истории для широких масс. Никогда прежде история не была столь доступна простым людям и тем более не была для них «развлечением». Еще в недалеком прошлом доступ к истории был весьма ограничен. Только грамотные, образованные и в то же время могущественные люди могли иметь доступ к библиотекам и архивам. Сейчас же, воспроизводя исторические события и реконструируя эпизоды давно минувших времен, телевидение превратило историю в источник развлечения и нечто абсолютно доступное. Другие средства массовой информации тоже в различных формах делают историю доступной для широких масс. Сегодня история в Иране, как и во многих других странах мира, приобрела текстуальный характер и превратилась в систему телевизионных знаков и символов, в галерею изображений и фотографий и т. п. Далее на примере медиазации истории ислама в иранских СМИ за последние годы покажем, насколько важную роль играет этот процесс в области истории.

Вот уже несколько лет иранские средства массовой информации экранизируют жизнь пророков и имамов. Первым таким продуктом был сериал «Имам Али». Его показ вызвал бурные дискуссии, так как в нем образ Имама до некоторой степени был «десакрализован». Средства массовой информации должны показывать материальные аспекты и воздерживаться от аспектов духовных, не поддающихся материальному воспроизведению. Чтобы сделать продукт более привлекательным и заинтриговать аудиторию, СМИ вынуждены сосредоточиться на тех элементах, которые гарантируют им это. Поэтому, видя на экранах телевизоров жизнь пророков и имамов, мы ловим себя на мысли, что их жизнь – такая же обычная, как наша. С исторической точки зрения образ пророков и имамов неуловим, однако в сериале «Имам Али», хотя лицо самого Имама и не показывается, лица Малика Аштара⁶⁹ и ряда других исторических и

⁶⁸ Закаи, Саид Вахид Вали-заде ва Алиреза Фаррухи. Тааллук бе хордей-е фархангхай джаванан дар аср-е джахани шодан/моталлеат-е джаванан, ш.12, [б.м.]: 1387.

⁶⁹ Малик ибн аль-Харис ан-Нахаи аль-Аштар (ок. 619, – ок. 647,) – военный и политический деятель времен правления халифа Усмана, сторонник Али ибн Аби Талиба. В битве при Ярмуке (636 г.) получил ранение глаза, из-за которого заработал

религиозных персонажей демонстрируются, и мы на подсознательном уровне начинаем ассоциировать актера Дариуша Арджманда с самим Маликом Аштаром. Иными словами, атмосфера сакральности, святости и абстрактности пропадает. Всё оказывается обыденным и приземленным. Теперь возникает вопрос, насколько верно имагинация может отражать историю ислама? Музыка к сериалу «Имам Али» написали бесподобную. Теперь многие люди узнают Имама Али по этой музыке. А ведь в культуре ислама музыка не имеет никакого авторитета. Когда самую выдающуюся личность шиизма мы представляем народу через музыку, многое меняется. Когда мы превращаем историю в текст, самого пророка не существует, но существует фильм о нем. Если даже написать сотни тысяч книг об истории возникновения ислама и его основных действующих лицах, все равно фильмы «Пророк Мухаммад» и «Имам Али» будут иметь куда большее воздействие на воображение людей. Когда история ислама превращается в текст, а текст, в свою очередь, – в масс-медиа, то история ислама перестает быть академическим вопросом, касающимся только профессиональных исследователей. Это меняет коллективную память. Когда историческое событие или религиозная личность превращается в театрализованное представление, популярную музыку или художественный фильм, то в сценарий обязательно вносятся элементы шоу, чтобы привлечь внимание массового потребителя. В результате отношение людей к религиозным личностям и историческим событиям становится карнавальным и светским. Создается впечатление, что массы навязывают свой вкус в вопросе образа повествования истории религии.

Политизация. После того как масс-медиа сделали историю достоянием общественности, возросло ее политическое значение. История всегда была важна для государств и государей. Теперь же ее значение не просто удвоилось, но приобрело разные аспекты. Ведь в наши дни благодаря СМИ любая интерпретация исторических событий с легкостью превращается в привлекательные картинки и оказывается в распоряжении граждан, каждый из которых сообразно своим интеллектуальным возможностям и культурному капиталу может найти к ним доступ. В подобной ситуации история – это не только не дословное изложение и сухой пересказ прошлого, но и нечто, смешавшееся с менталитетом и субъективным восприятием бытия. Это, с одной стороны, приводит к тому, что история становится более «демократичной», с другой – больше, чем когда-либо, вынуждает власть имущих вмешиваться в историю. Верно, что теперь государство стало всячески оказывать помощь в развитии исторических исследований и исторической науки. Это и материальная поддержка, и правовая, и моральная. Но это только одна сторона медали. В действительности государство также создало для исторических исследований серьезные ограничения и препятствия.

Медиазация истории имеет различные последствия для историографии, поскольку историки больше не могут так же, как прежде, быть единоличными повествователями истории. К ним присоединяются журналисты, режиссеры, сценаристы, обозреватели, фотографы, операторы и многие другие работники масс-медиа. Все они наряду с профессиональными историками занимаются репрезентацией истории. Это заставляет историков порой переквалифицироваться в работников СМИ, чтобы найти для своего товара место на рынке истории. Таким образом, не только история, но даже историки оказываются втянутыми в процесс «угодничества публике», иными словами, популяризации. В таких условиях критерии исторических исследований больше не могут оставаться сугубо академическими – теперь свое веское слово должны сказать массы и рынок. Именно поэтому в вопросе истории понятие «репрезентация» играет фундаментальную роль. Репрезентация означает, что радио, телевидение, газеты и другие средства массовой информации показывают из социальных явлений, не есть передача или демонстрация картины действительности, поскольку имеет место манипулирование и вмешательство. То есть одновременно имеют место и отражение действительности, и ее конструи-

рование. Освещая действительность, СМИ в то же время как бы симулируют ее. И так как репрезентация, или симулирование, становится впоследствии «конструкцией», она естественным образом обретает связь с идеологией и политикой. Репрезентация истории – один из тех феноменов, что привлекли внимание медиа в XX в. И этому есть логическое объяснение: каждое государство и каждая политическая структура хотела предоставить публике свою репрезентацию истории. В Иране СМИ также стали проводниками этой идеи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.